

Уголовный табор

Памяти фронтовика, майора милиции Александра Качанова посвящается



АЛЕКСАНДР КАЧАНОВ прослужил в системе МВД более 30 лет. В 1943 году его, семнадцатилетнего паренька, призвали на фронт. После войны он работал в уголовном розыске, БХСС, оперативной части Левобережного РОВД, был начальником милиции Верхнеуральска. Его военная и милицмейская служба отмечена множеством наград. Александр Леонтьевич ушел из жизни в 1993 году.

Публикуемый материал — авторская переработка его рукописи: майор милиции в отставке рассказал о работе уголовного розыска Магнитки в 50-е годы прошлого века. Пусть она станет данью памяти всем милиционерам, которые, победив на фронте, продолжали бороться с нечистью в мирное время.

Ночной кошмар

Хозяин проснулся от звона разбитого стекла. Заспанная жена испуганно перекрестилась. Свет уличного фонаря выхватил из темноты силуэты мужчин, протискивающихся в оконный проем, заиграл на лезвиях опасных бритв. Один из грабителей выхватил из-за пояса обрез и наставил на обмерших хозяев. Другой уже напарил на полу кольцо, рванул крышку подпола и злобно прошипел:

— Живо! А то всех перестреляю...

Хозяин, спускаясь по шаткой деревянной лестнице, глянул в лицо неспрошенного гостя и в страхе перекрестился — черно, как у дьявола. «Маски натянули, чтобы не узнали», — догадался он.

Хозяйка, услышав сдавленный крик дочери, испуганно заколотила по крышке погребка: «Галина, доченька... Убьют, изверги!» Крышка распахнулась, в световом проеме показалась Галина, скатилась на руки родителей. Обнявшись, перепуганные насмерть люди, всю ночь дрожали от страха и холода. По скрипу петель деревянных сундуков, хлопанью ящиков комодов они догадались, что ночные грабители уносят нажитое добро, уносят Галино приданое.

Задремавший церковный сторож дед Макар вдруг очнулся от чужого пристального взгляда. Перед ним стояли пятеро. Лица черны, словно у антихриста. Восьмидесятилетний дед с молитвой перекрестился сатанинское видение и потянулся было за берданкой. Но один из чернорожих перехватил двустолку. Деду заломили руки, стянули веревкой ноги, в рот засунули вонючую тряпку и затолкали в чулан. Просидев в крошечной тьме около получаса, он услышал выстрел, который раздался в доме святого отца Кузьмы.

— Никак батюшку порешили... Душегубы, — заплакал дед.

Вдруг знакомый голос окликнул его по имени. Старик что есть мочи застучал связанными ногами об пол. Поп Кузьма со свечой спустился в чулан и распутал сторожа. Когда дед Макар пришел в себя, батюшка тут же выложил ему все, что с ним приключилось. Проснулся он от звона разбитого стекла и увидел, как в окно протискивается какой-то мужик. Святой отец не растерялся, схватил ружье и пальнул в темный силуэт. Не ожидая отпора, грабители бежали.

О ночном разбое в церкви в поселке Димитрова настоятель сообщил в милицию. Из храма было похищено добра на 40 тысяч рублей: золотые кольца, серебряные рюмки, бархатные шторы и скатерти. Грабители даже восковыми свечками не побрезговали.

Милиция, осматривая место происшествия, отыскала в кустах ружье деда Макара. Приклад превратили в щепу. На осколке стекла явно проступали отпечатки пальцев, которыми занялись эксперты. По следу пустились служебную собаку. Овчарка привела на пустырь и стала скрестить свежий холмик земли. В тайнике обнаружили церковную пропажу: серебряные рюмки, бархатные шторы, скатерти, кресты и паникадила. Тайник решили не трогать, а сделать засаду. Но через несколько дней наблюдение пришлось снять. Операцию рассекретили местные жители, заприметив праздно шатающихся мужиков.

К этому времени экспертиза, изучив отпечатки пальцев на стеклах, пришла к выводу, что

ограбление церкви и семьи Малясовых — дело рук одной банды.

Преступников разыскивал весь магнитогорский гарнизон милиции. Эти два дела были взяты под контроль министром внутренних дел: о ходе расследования в центр докладывали ежедневно. Для координации розыскных мероприятий из областного УВД в Магнитку был направлен заместитель начальника уголовного розыска, подполковник Ткачук. Работа шла круглосуточно. Дактилоскопировали десятки подозреваемых из бывших уголовников, отпечатки сверяли со следами пальцев церковных

табачных: за день до ограбления посылают своих жен крестить детей. Пока поп проводит обряд, они прикидывают стоимость церковной утвари. Если игра стоит свеч, этой же ночью цыгане, скрыв лица под масками, идут грабить храм. Серебро и золото зарывают неподалеку, а когда все успокоится, цыганки распродают награбленное по деревням. Правда, с драгоценным металлом цыгане расстаться не в силах. Очень уж любят блестящее. Случается, забыв об опасности, «золотые» улики оставляют себе.

Разыскивая грабителей, оперативники перевернули весь город. Но табор не тронули, поверив на слово цыганскому барону Роману



Коллаж Мария НИКОЛАЙЦОВА

грабителей. На причастность к этому преступлению было проверено более 100 преступных группировок. Прошел месяц, но выйти на след бандитов не удавалось.

В рукописи Александра Качанова читаем: «Меня досрочно вызвали из отпуска, и заместитель начальника отдела уголовного розыска Стрихин сказал:

— Возьми уголовные дела по этим ограблениям. Перетряхни всю шпану с Димитровского. Наверняка это кто-то из них...

Перелистав дело, я убедился, что к этим нападениям наши, магнитогорские, не причастны: ни масок, ни кляпов местные никогда не использовали. В это время ко мне обратился оперуполномоченный Петр Иванов. Уходя в отпуск, он просил меня проследить за цыгана-

Магнитогорский милиционер первым в области получил медаль от Климента Ворошилова

ми. В таборе 64 семьи из Молдавии и пять цыганских семей с Волги. Передавая наблюдательные дела, Иванов вручил 12 цыганских дактилокарт и уголовное дело на этих цыган по факту кражи железа с craneового завода. В качестве подозреваемого «по железу» был задержан цыган Волошин. С ним надо было немедленно разобраться — срок его содержания в КПЗ истекал.

Ознакомившись с материалами, я понял, что доказать участие Волошина в краже почти невозможно. Раскрытием этого дела я решил заняться позже. Но прежде чем освободить цыгана, пошел на хитрость: поверил, что Волошин непричастен к хищению металла. Обрадованный цыган вдруг зашептал:

— Ты мне помоги, и я тебе помогу, начальник... Есть какое горе?

— Гора нет, — отвечаю, — дело есть: банду церковных грабителей отыскать надо.

Тут Волошин и говорит, что это работа русских цыган. Двое из них недавно вышли из тюрьмы, срок тянули за ограбление церкви в Саратовской области. Метод у них отрабо-

Шевцова, который заявил, что они прибыли в Магнитку 30 мая, а нападение на семью Малясовых произошло 24 мая, грабеж церкви — через неделю.

После откровений цыгана Волошина мы стали проверять дактилокарты цыган и установили, что рисунок пальцев, оставленный на церковном окне, принадлежит цыгану Скрипкареву.

Вскоре была получена санкция на арест. Операцию назначили на шесть утра. В каждую комнату должны были войти по три работника уголовного розыска, в коридоре планировали выставить еще шестерых сотрудников. Кроме того, барак должны были взять в кольцо девять милиционеров, вооруженных автоматами. В операции планировалось задействовать двух кинологов с собаками. Цыганская банда была вооружена до зубов, отличалась дерзостью, агрессивностью, но при таком силовом раскладе ее сопротивление исключалось.

Первым задержали цыгана Чураева — двоюродного брата Скрипкарева. При обыске в его комнате обнаружили серебряную рюмку, по приметам схожую с церковной. Жена Чураева попросила дать ее на время плачущему ребенку, это-де его любимая игрушка. Малыш, получив вещдок, замолчал. Больше в этой комнате мы ничего не нашли и стали оформлять протокол. Я попросил цыганку вернуть рюмку.

— Я у вас ничего не брала, — нагло заявила она, — ребенку давали, с него и спрашивайте.

Пришлось снова перетряхивать тряпье. Вещдок как сквозь землю провалился. Только разрывнув грязные пеленки, мы нашли пропажу. Цыганка, не моргнув глазом, заявила, что купила рюмку на базаре.

В ходе этой операции оперативники изыскали шесть золотых колец, которые числились в списке пропавшего церковного имущества. Задержанных цыган, среди которых был и Скрипкарев, поместили в КПЗ. У цыганского барона Шевцова ничего не нашли, и после допроса мы вынуждены были его отпустить.

Медаль за цыганского барона

Цыганки устроили настоящую осаду здания УВД: осыпали проклятиями милиционеров и следователей, провоцировали их на скандалы. Среди оружей толпы шнырял главарь банды Шевцов. Нельзя было не заметить и молодую красавицу Радугу: большие черные глаза, грива выходящая волос, точеная фигурка. Это была супруга Николая Скрипкарева. Он любил и отчаянно ревновал молодую жену. Эту привязанность можно было использовать, тем более, что Скрипкарев отрицал свою причастность к ограблению. Безграмотный цыган не верил, что по отпечаткам пальцев можно доказать вину. На очередном допросе я подбросил ему «ерша»:

— Пока ты здесь сидишь, ваш барон Шевцов времени не теряет: Радугу твою обхаживает.

Скрипкарев вздрогнул, но не проронил ни слова. Утром он принялся стучать в железную дверь камеры и требовать, чтобы его вызвали на допрос. При этом Николай демонстративно, чтобы слышали подельники, два задержанных цыгана, орал:

— Барона выдавать буду!

На этот шаг Скрипкарев решился не только из-за ревности. Он искренне верил в предательство цыганского барона. На руку следствию сыграло стечение случайных обстоятельств: две недели назад барон заявил, что «поможет» операм найти грабителей. После такого обещания его освободили. Кроме того, у Шевцова не нашли ворованной утвари. Скрипкарев не верил, что опера лишь по своей халатности не обнаружили похищенного. Церковные вещи были зашиты в матрац и подушки. Еще Николай был уверен, что на церковном окне должны были быть и отпечатки пальцев барона, но милиция почему-то о них молчит. Сопоставив эти факты, цыган решил, что козлом отпущения барон выбрал именно его. Поэтому Скрипкарев и дал показания. Он утверждал, что барон был организатором двух грабежей.

Шевцова задержали. Прежде всего провели дактилоскопирование. Следы пальцев и на осколках стекол из дома Малясовых, и на церковном окне совпадают с отпечатками пальцев Шевцова. Барон все отрицал. Четверо мужчин из семьи русских цыган были задержаны и отправлены в СИЗО, пятый грабитель бежал и был объявлен во всесоюзный розыск. После ареста цыганской банды подполковник Ткачук сказал:

— Впервые в Союзе цыган избил своего вожак. Это уникальный факт.

Узнав, что Скрипкарев выдал милиции Шевцова, цыганки ночью пошли на переговорный пункт. Они обзвонили цыганских баронов по всему Союзу и рассказали о предательстве Скрипкарева. Николай, узнав об этом, заявил, что не боится их гнева и сумеет доказать предательство Шевцова. К слову сказать, на следствии Скрипкарев не дал никаких показаний в отношении других участников грабежа. Суд приговорил Скрипкарева и Шевцова к десяти годам лишения свободы. Остальных грабителей — к трем.

Через неделю табор отправился «искать правду» в Москву. Женщины с детьми днями околачивались у Кремля, требуя, чтобы их принял Председатель Президиума Верховного Совета Климента Ворошилова. Ворошилов их принял, выслушал и дал указание генеральному прокурору Советского Союза проверить жалобу и через сутки доложить.

Прокуратура затребовала мои автобиографические данные, а вскоре был издан указ Президиума Верховного Совета за подписью Климента Ворошилова о награждении меня медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». Так, благодаря цыганам, я первым в Челябинской области был награжден этой медалью.

Конечно, несправедливо было выделять меня одного. Нужно было поощрить и других работников, которые участвовали в раскрытии этого дела: Петра Михайловича Рыбакова, Владимира Викторовича Никулина, Владимира Алексеевича Каблуква, Якова Васильевича Горбоносова, эксперта Клавдию Ивановну Сатину.

...После вынесения приговора цыганам-грабителям весь табор покинул «негостеприимную» Магнитку. Вороватый кочевой народ подался в Пласт.

Ирина КОРОТКИХ.

Материал дан в авторской редакции.